

В.Д.Стариченок (*Республика Беларусь*)

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ)

Описание времени как основной мировоззренческой категории человеческого сознания, как всеобщей объективной формы существования материи не всегда исчерпывается привычными схемами толкований и определений. Для выявления всех оттенков и нюансов широкой и многообразной темпоральной палитры часто используются метафоры. Они представляют время в образно-ассоциативных формах посредством самых различных сравнений, уподоблений и отождествлений. Темпоральные метафоры широко представлены в различных языках и во многих случаях отражают специфику языковой картины мира того или иного народа.

Различные метафорические модели – типы семантической деривации, основанные на общности исходного и результирующего лексико-семантических вариантов (ЛСВ) – и метафорические структуры (как правило, сочетания двух существительных или существительного с прилагательным) репрезентируют время с точки зрения его длительности, протяженности, последовательности, смены временных фаз и состояний, движения вообще. Главными реципиентами таких метафор являются первичные ЛСВ тех полисемантов, в семантике которых заложена потенция движения, временного развития (*колесо, круговорот, река, ручей, вода, поток, экспресс, поезд, утро, рассвет, старт, финиш* и др.).

Структура и система темпоральных метафор, их концептуализация в русском и белорусском языках во многом совпадают, что обусловлено не столько генетической близостью языков, сколько стереотипностью мышления носителей языков в плане восприятия и членения ими всеобъемлющей категории времени, схожими прототипами этой категории, а также установлением типологических связей и ассоциаций времени с человеком и всей окружающей действительностью.

Во многом общими для русского и белорусского языков являются метафоры способа течения, движения времени, характеризующие в целом специфику временного развития (рус. *бег времени, круг времени, спираль времени, веретено времени, круговорот времени, мельница времени, песок времени*; бел. *бег часу, нітка часу, карусель гадоў*).

Акцент во многих случаях делается на мгновенность, быстротечность времени. *Часы* к примеру, являются символ быстротекущего времени, *колесо времени* – символ не останавливающегося ни на одно мгновение времени, постоянно возобновляющийся круговорот рождения и смерти. Признак невозвратности и необратимости времени, его быстротечности является эмоционально нагруженным в литературе любого народа, ибо бренность бытия всегда была в центре внимания всех живущих на земле. Именно об этом часто утверждается в многочисленных художественных произведениях

и философских трактатах: *Становится новое старым, потом промчатся года – И старое сменится новым: так было, так будет всегда. (Рудаки) Как в море льются быстро воды, так в вечность льются дни и годы. (Г.Державин) Всё было встарь, всё повторится снова. (О.Мандельштам).*

Характер и специфика темпоральных метафор зависит от того, какой аспект широкой темпоральной гаммы актуализируется в процессе метафоризации. Время не является абстрагированным, изолированным или линейным, чаще всего оно привязывается к какому-либо событию, факту истории и носит событийный характер: рус. *спрессованность времени, пляска времени, скрежет времени, безжалостная рука времени, годы бурь и бед, смутное время, фальшивое время*; бел. *жорны часу, каламуць гадоў, нож часу, часу поўсьць, топка гадоў, ружанец гадоў, часу туманнае шкло.*

Более точному выявлению способа протекания времени способствует вовлечение в метафорический процесс компонентов тех тематических групп (они практически тождественны в обоих языках), где в той или иной степени представлено движение:

а) водный поток, водоворот, водная стихия (рус. *река времени, течение времени, волна времени, водопад веков, поток времени, пучина веков, стремнина времени*; бел. *рака часу, возера быцця, раўчук жыцця, бруя часу, вытокі часу, затокі часу*);

б) транспортные средства (рус. *арбу лет, корабль времен, жизненный экспресс*; бел. *цягнік гадоў, экспрэс гадоў, лакаматыў гадоў, саставы веку, жыццёвы карабель*);

в) путь, дорога (рус. *дорога времени, тропа веков, распутие времен, стезя жизни*; бел. *час раздарожжа, сцежкі жыцця, жыццёвая каляіна*);

г) природные явления (рус. *буря лет, ветер времени, вихрь веков*; бел. *градабой часу, жыццёвалі замаць*);

д) пряжа, волокно, ткань (рус. *пряжа времени, ткань времен, кружево минут*; бел. *воўна часу, кілім дзён, сувой дзён, нітка часу, дзён прадзіва*).

Темпоральные метафоры фазисного типа выражают движение и развитие как универсальные характеристики основ бытия. При этом развитие характеризуется определенным порядком, последовательностью и направленностью от прошлого к будущему. В этом непрерывном и изменчивом движении можно выделить два основных временных цикла, связанных с началом развития (возникновением, появлением чего-либо), а также с завершенностью существования (концом, исчезновением чего-либо). Между этими циклами расположены многочисленные этапы, выражающие периоды зрелости, расцвета, достижения определенной вершины, а также метафоры со значением прошлого.

Все эти циклы, как правило, характеризуются анимистической направленностью и не являются абстрагированными от каких-либо исторических событий и общественной жизни. Чаще всего они связаны с экзистенцией человека, его мышлением, мироощущением, с различными видами духовно-практической деятельности. В таких экзистенциально-темпоральных метафорах актуализируются самые различные этапы жизни

человека, начиная от рождения и завершая смертью и гипотетической возможностью воскреснуть в другой ипостаси и другом временном измерении.

1. Начало, рождение, первое проявление чего-либо ассоциируется с началом дня, восходом солнца, рассветом, кануном весны (рус. *утро года, утро дней золотых, заря свободы, рассвет жизни*; бел. *золак новага года, зара новых дзён, прадвесне дваццатага года, раница (світанак) новага жыцця*). Традиционным считается сравнение первого проявления чего-либо с побегом, со стеблем растения в самом начале его развития (*ростки новой жизни, ростки добра*; бел. *парасткі пяшчоты, парасткі новага жыцця, атожылак каханья*).

2. Передаче самых различных чувств, связанных с безоблачными периодами жизни человека, способствуют многочисленные метафорические контексты с опорными словами *молодость, юность*: рус. *огонь юности, цвет молодости, праздник молодости, весны моей золотые дни*; бел. *юнацтва сiнiя арэлі, кастры майго юнацтва, крэдэцiн майё маладосцi, зруб маладосцi*).

3. Пик, высшая степень чего-либо передается ЛСВ полисемантов *вершина, высота, пик, орбита* (рус. *вершина славы, вершина жизни, высота искусства, находится в зените жизни, пик состязаний*; бел. *вяршыня лета, глядзець з вышыні гадоў, арбіта лістапада*). Пиком в отношении к жизнедеятельности человека можно считать самую плодотворную, зрелую часть жизни, для выражения которой используются субстантивы *полдень, экватор, гора, пьедестал* (рус. *полдень и есть зрелость, пьедестал артистической славы*; бел. *п'ерайсцi экватар сваіх дзён, з гары жыцця спускацца, п'едэстал пасвёдаў год, вільчык год*).

4. Период жизни, когда человек подводит итог своего земного бытия и в большей степени живет не будущим, а прошлым, – это *закат, сумерки, догорание жизни, финал бытия*. Отождествление старости с такими порами года, как осень и зима, а также с вечерним временем суток, считается традиционным и присуще многим языкам (рус. *осень жизни, осень бытия, догорающий вечер жизни, закат жизни, жизнь близится к закату*; бел. *жыццёвая восень, зіма жыцця, вечар жыцця, змярканне год*).

5. Для выражения смерти, завершения жизненного пути используется большой арсенал и семантический потенциал различных тематических групп, в которых течение времени как бы остановилось и слилось с вечностью: рус. *вечный отдых, царство покоя, смертный (могильный) сон, туманный покров, туман вечной ночи, гробовая (вечная, непробудная) ночь, мрак глубокий (вечный), пропасть без дна, вечный отдых, жизнь вечная*; бел. *смяротны сон, вечны супакой, цемра непробудная, дажынкi жыцця, фінал быцця*.

Довольно часто в небольших контекстовых ситуациях (одном-двух предложениях) употребляются метафоры-антонимы, которые создают яркий антитезный рисунок, раскрывают противоречивость человеческой жизни и его диалектику, подчеркивают не всегда выразительную границу между юностью и старостью. Сравн.:

*Мечты на **утре** дней моих (А.Бунин) То было в **утро** наших лет (А.К. Толстой) **Вечер** жизни моей, старость моя! (Н.Заболоцкий) **Вечер** – это старость: Мой вечер близок и безволен. (А.Блок)*

*Это **закат** моей женской жизни, а мог бы быть еще только **расцветом**. (А.Ковалевская) Брезжил **рассвет** новой жизни, и я очень волновался. (А.Азольский) Большой русский писатель встретил уже под **закат** жизни свою Любовь Сергеевну. (О.Кабанова)*

*Пакуль **вясна** твая красуе і не прыйшла **жыцця зіма**, пакуль у целе кроў пульсуе, жыві, каб чуць у жыцці смак! (Я.Золак)*

*І вясновае **ранне**, і ружовы **усход**, не спяшайся, **змярканне** маладых маіх год! (Г.Дашкевіч)*

*Не спяшайцеся, гады, на **старце**. Хочацца, каб крочылі цішэй! Не на **фінішы** я, ды і не на **старце**, толькі ўсё ж да **фінішу** бліжэй. (Ю.Свірка)*

В ряде случаев в таких микроконтекстах моделируется оппозиция «жизнь – смерть», одним из средств выражения которой являются антонимы-метафоры *день – ночь, пролог – эпилог, чарнавік – белавік* и др.: ***Ночь** – это смерть. **День** – это жизнь: Моего не бойся мрак, **Ночь**, поверь, не хуже дня. (А. Твардовский) Противоположность **дня** и **ночи** — это противоположность **жизни** и смерти: «дечь господь отвел живым, **ночь** — мертвым» (А.Гуревич) И это является второй причиной столь пространного пролога собственной жизни. Я написал «**пролог**» и подумал, что история родителей — всегда **пролог** твоей жизни, а твоя жизнь — **эпилог** жизни твоих родителей. (Б.Васильев) Першы снег, як першае каханне, азарыў душу маю і змк. Чарнатроп спаткання, снегавей расстання – **чарнавік** жыцця і смерці **белавік**. (Я.Хвалец) Паміж **берагамі нараджэння і смерці**, пытання і адказу, пачатку і канца тая протань, якую нельга запоўніць ніякай іншай матэрыяй, як толькі матэрыяй свайго жыцця. (А.Разанаў)*

Таким образом, типология темпоральных метафор в русском и белорусском языках обнаруживается на уровне общности семантических моделей, их стереотипности (времена года и части дня, к примеру, ассоциируются с периодами жизни человека), примерно тождественным кругом реципиентов, вовлеченных в метафорический процесс. Время в русском и белорусском языках концептуализируется как быстро сменяющееся, бегущее, невозвратное. Оно носит не чисто абстрактный и не линейный, а событийный, исторический характер. Различия (они не носят кардинального характера) связаны с многообразием конкретных проявлений общего механизма темпоральных метафор, общей модели, на которую накладываются конкретные социально-исторические условия жизни каждого народа. Эти различия сводятся к фактам закрепления или незакрепления темпоральных метафор в узусе (в одном из языков метафоры стали нормой литературного языка и фиксируются в толковых словарях, в другом – являются принадлежностью разговорного стиля или идиостиля того или иного писателя), их количественному составу (в одном из языков семантическая парадигма включает два, три и более темпоральных ЛСВ, в

другом – один-два ЛСВ), к полному или частичному охвату тех или иных тематических групп, подвергшихся метафоризации. Различия в структуре темпоральных метафор русского и белорусского языков можно свести к следующим группам семантических несоответствий:

а) группа с отношениями несовпадения (одно и то же слово манифестирует различные переносные ЛСВ);

б) группа с отношениями пересечения (наряду с одинаковыми в структуре полисеманта фиксируются и различные ЛСВ);

в) группа с отношениями включения (кроме общего для сравниваемых языков ЛСВ фиксируются специфические для какого-либо одного языка ЛСВ).

На дифференциацию темпоральных метафор русского и белорусского языков оказывают влияние многочисленные индивидуально-авторские образования, которые являются частным проявлением общей темпоральной модели и связаны с различными контекстовыми ситуациями. Писатели и поэты (философы времени) как бы повторяют всё уже давно сказанное о времени и в то же время показывают его глубинные аспекты, манифестируют различные фрагменты, тонкие смысловые оттенки и обертоны практически неизмеряемого, неисчислимого и весно движущегося времени. Интерпретация времени обусловлена мировосприятием и мироощущением того или иного писателя, фактами его личной биографии, особенностями стиля и «почерка» изложения фактов. Ведь каждый творческий человек по-своему чувствует и осязает время, принимает его в самых различных ипостасях, осмысливает в преломлении к себе и окружающим людям. Именно поэтому в основу многих темпоральных метафор часто кладутся неожиданные, нетрадиционные ассоциации и мотивы, не укладывающиеся в традиционные схемы и, казалось бы, никак не связанные временными и причинно-следственными отношениями: рус. *век мой, зверь мой* (О. Мандельштам), *господин мой, время* (М. Цветаева), *время – легкий дым* (А. Блок), *пила времени* (В. Бенедиктов), *прялка времени* (А. Белый), *платье времени* (А. Блок), *времен покров туманный* (В. Кюхельбекер), *дождь часов незримый* (С. Есенин), *лестница времен* (В. Бенедиктов), *ржа времен* (В. Капнист), бел. *скразная вятры эпохі* (А. Пісьмянкоў), *часу градабой* (В. Вярба), *грыва гадоў* (Я. Янішчыц), *далоні вякоў* (А. Жамойцін), *крыгі часу* (М. Танк), *табун гадоў* (В. Стрыжак), *паром сталасці* (Р. Барадулін), *перавяслы прашумелых год* (У. Паўлаў), *прадонне часу* (В. Зуёнак).